

© Е. А. Кузнецова

ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С АРХИТЕКТУРНЫМ НАСЛЕДИЕМ: ДЕРЕВЯННЫЕ ХРАМЫ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ И ВОЛОНТЕРСКИЕ ПРОЕКТЫ

В статье рассматриваются современные проекты по сохранению архитектурных памятников на Русском Севере как одна из форм взаимодействия людей с наследием и социальной памятью. Вместе с исторической ретроспективой такого явления как «волонтеры наследия», на конкретных кейсах анализируются некоторые особенности бытования подобных проектов в российском контексте в наши дни. С опорой на данные, собранные в период с 2019 по 2022 гг., когда автор участвовала в инициативах этого типа в качестве волонтера, а также на материалы, полученные в ходе этнографических экспедиций с 2016 по 2022 гг. на Русский Север, на примере проектов по восстановлению деревянных храмов, типичных для этого региона, изучается взаимодействие волонтеров, местного населения и объектов архитектурного наследия. Автора интересуют социальные процессы, возникающие во время этого взаимодействия. В рамках исследования предпринимается попытка деконструировать процесс, в ходе которого полуразрушенный объект начинает восприниматься как сакральное и архитектурное наследие, и анализируются сопутствующие этому практики.

Ключевые слова: консервация, деревянная архитектура, Русский Север, волонтеры наследия, деревянные храмы, архитектурное наследие, антропология пространства

Ссылка при цитировании: Кузнецова Е. А. Практики взаимодействия с архитектурным наследием: деревянные храмы на Русском Севере и волонтерские проекты // Вестник антропологии. 2024. № 1. С. 106–115.

Кузнецова Елена Алексеевна — аспирантка, стажер-исследователь, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр. 32А). Эл. почта: Lenny.kuznetsova2018@yandex.ru

* Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328).

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-1/106-115

Original article

© *Elena Kuznetsova*

PRACTICES OF INTERACTION WITH ARCHITECTURAL HERITAGE: WOODEN CHURCHES IN THE RUSSIAN NORTH AND VOLUNTEER PROJECTS

The article considers modern architecture conservation projects in the Russian North as one of the ways to interact with the heritage and the social memory. The paper analyzes some of such projects in the modern Russian context and provides a historical retrospective of the phenomenon of the “volunteers of heritage”. Based on the materials collected by author since 2019 to 2022, when she participated in such initiatives as a volunteer, and the materials collected in 2016-2019 on the author’s mainly ethnographic expeditions to the Russian North, the interactions of volunteers, local residents and the objects of heritage — the wooden churches — in the Russian North are studied. Moreover, the author attempts to deconstruct the process of «creating» and “reinventing” heritage and the accompanying practices. Alongside, the article raises a number of questions for further research.

Keywords: *conservation, wooden architecture, Russian North, heritage volunteers, wooden churches, architectural heritage, anthropology of space*

Author info: **Kuznetsova, Elena A.** — Ph.D. student, Research Assistant, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: Lenny.kuznetsova2018@yandex.ru

For citation: Kuznetsova, E. A. 2024. Practices of Interaction with Architectural Heritage: Wooden Churches in the Russian North and Volunteer Projects. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 106–115.

Funding: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-328).

«Тишина, ты — лучшее,
Из всего, что слышал».

Б. Пастернак

Предметом исследования в данной статье является такое современное и набирающее популярность социокультурное явление как проекты, которые можно объединить понятием «Волонтеры наследия». Под волонтерами наследия обычно понимают группы людей, на добровольных началах занимающихся поддержанием, консервацией и реставрацией наследия, в том числе — архитектурного, имеющего культурную и историческую ценность.

Материалы для исследования были получены в период с 2019 по 2022 гг., когда я участвовала в волонтерских экспедициях в Архангельскую (Онежский район) и Костромскую (Солигаличский район) области, и отчасти также в период с 2016 по 2019 гг., когда я принимала участие в ряде этнографических экспедиций в Пинежский район Архангельской области. Эти районы являются регионом моего ис-

следования. Оно охватывает те районы, которые, во-первых, именуется Русским Севером в информационном пространстве и дискурсах, сложившихся вокруг деревянных храмов. Во-вторых, я считаю возможным относить в данном случае к понятию «Русский Север» те регионы, где присутствует архитектура с типичными для храмовых построек Русского Севера элементами. Это прежде всего Архангельская, Вологодская, Костромская области, Республика Карелия, и отчасти — Ярославская, Ленинградская и Тверская области.

Популярность проектов с участием «волонтеров наследия» стала расти во второй половине XX в., в это время в мире происходила институционализация данного явления. Франция стала первой страной, в которой на государственном уровне начали решаться вопросы консервации и сохранения архитектурного наследия. В частности, в 1966 г. зародились такие крупные волонтерские проекты как REMPART (*Réhabilitation et Entretien*). Генеральная инспекция по охране памятников появилась во Франции еще в 1830 г., в 1833 г. было учреждено Общество истории Франции, а в 1837 г. создана Комиссия исторических памятников (*Николаева 2008: 261–270*). Этот процесс институционализации происходил в одно время с проникновением неевропейского искусства в европейский контекст. Большую роль в данном случае сыграли, на мой взгляд, музеи, где выставлялись предметы, вывезенные из колоний (самые известные — Британский музей в Лондоне, Музей на набережной Бранли в Париже). Подобные музеи в XIX в. стали своего рода критерием, которым измерялось искусство, и которым определялось, что можно считать искусством. Как пишет британский антрополог Альфред Гелл, туземное искусство (*Indigenous art*) оставалось просто «творчеством», которое противопоставлялось европейскому «миру искусства» (*Gell 1998: 5*). Таким образом, европейское искусство воспринималось и оценивалось не само по себе, а в противопоставлении неевропейскому искусству, что имело свои последствия. Говоря об искусстве в широком смысле, необходимо также отметить, что восприятие сакральной архитектуры неоднократно становилось предметом исследования социологов (П. Бурдьё), историков (А. Юрчак) и социальных антропологов (М. Стратерн, С. Лоу), в том числе российских (*Пермиловская 2023*).

Российский контекст, безусловно, имеет свою специфику, но отчасти и он не избежал включения в западную тенденцию. По мнению имеющего российское происхождение профессора антропологии в Калифорнийском университете Алексея Юрчака, «история любого региона постколониального мира волей-неволей оказывается описана как составная часть более важной исторической траектории Европы» (*Юрчак 2017: 47*). В российском контексте как сам процесс охраны объектов архитектуры, так и дискурс вокруг него, стали формироваться во второй половине XIX в. Под «объектами архитектуры» в данной статье я буду понимать храмы, часовни и колокольни. Следующий XX век, хотя и был весьма сложным для сохранения культурного и исторического наследия в России, все же имел и свои важные достижения в этом процессе. Острота проблемы сохранения архитектурного наследия в России в первой половине XX в. обусловлена не столько физическим уничтожением большого числа объектов архитектуры в ходе войн или революций (значительное число храмов и часовен, о которых идет речь, не находились в непосредственной близости от мест боевых действий), сколько, как мне представляется, сменой политических режимов и, соответственно, изменением отношения к прошлому, памяти и материальному наследию.

В исторической перспективе можно выделить три этапа в истории храмов, которые влияют на формирование исторической памяти этих мест: дореволюционный, советский и постсоветский. При этом «постсоветское» продолжает сосуществовать с «советским», хотя между ними был своего рода лиминальный период, отразившийся на физическом облике храмов. Именно в это время на стенах зданий появились граффити, которые сейчас устраняют волонтеры, как бы стирая этот период, стремясь вернуть изначальный облик памятникам (ПМА-2019; ПМА-2020). В итоге к началу XXI в. сложилась следующая ситуация: существовали пространства, ранее воспринимавшиеся как сакральные и пережившие трансформацию в статус анти-сакрального (в этих постройках в советское время находились клубы или хранилища), затем наступил лиминальный период, когда с 1990-х гг. и до начала периода консервации и реставрации здания стояли заброшенными. Сегодня сакральность этих пространств формируется заново, точнее, конструируется с ориентиром на времена 120-летней давности.

Проблемы деревянной архитектуры Русского Севера рассматривались советскими исследователями А. В. Ополовниковым, Л. М. Лисенко, Ю. С. Ушаковым, В. А. Крохиной, (*Ополовников 1955; Ополовников 1974; Лисенко 1969; Ушаков 1982*), что из-за разницы в подходах дает право говорить о двух периодах исследований деревянным храмам как архитектурного наследия — советском и постсоветском, который включает и настоящее время.

Описанные выше процессы — смена политических режимов, изменение отношения к прошлому и истории — обычно приводят к изменению роли архитектурного объекта, статуса и способов его использования. В случае каждого такого изменения обыкновенно пространство здания заново «осваивается» или «переосваивается» для использования в новых целях. Это характерно и для сакральных пространств — в том числе, для объектов религиозной архитектуры.

Среди публикаций, которые можно отнести к антропологии пространства, существует значительный корпус работ, посвященных исследованию понимания «своего»/«чужого» пространства, в том числе, в религиозном контексте. В рамках этой статьи мне кажется уместным применить понятие, предложенное британским социальным антропологом Пниной Вербнер и использованное в ее статье, посвященной сакрализации пространства среди британских мусульман. Автор пишет о таком явлении как «перформативный акт наделения властью» (*performative act of metonymic empowerment*) (*Werbner 1996: 311*) — этим понятием она обозначает совершение зикра в городском публичном пространстве последователями суфизма и за счет этого — присвоение ими этого пространства. «Власть», как мне кажется, в данном контексте стоит рассматривать не в прямом значении, а в значении, приближенном к понятию «агентность». Автор использует это понятие для обозначения процесса наделения определенного пространства новыми качествами, в данном случае — святостью (“*inscribes and reinscribes space with sanctity*”) (*Werbner 1996: 311*).

История функционирования храмовой архитектуры в деревнях Русского Севера в течение последних 120 лет также дает ряд примеров, которые мы можем назвать «перформативным актом наделения властью». В значительном числе воспоминаний наших информантов (ПМА 2019) и в других материалах о жизни советской деревни упоминается, что местные клуб или склад (либо какие-то другие общественные учреждения, но чаще всего — клуб и склад) организовывались именно в зданиях деревенских храмов. Безусловно, это можно объяснить тем, что здание на тот момент пу-

ставало, но более вероятной представляется другая версия, что при создании склада в помещении храма сам этот акт наделялся символическим смыслом: донести до людей, что это пространство, ранее считавшееся сакральным, вовсе не имеет сакрального значения. Таким образом пространство используется социальными властными структурами для подчеркивания своего доминирования и «присутствия».

Эти пространства в литературе получили название «дискурсивных» (*discursive space*). Одной из характерных черт «дискурсивных пространств» является политизированность. Процесс, происходящий в наши дни, обратен только что описанному: волонтеры, восстанавливая здания, восстанавливают и первоначальное назначение данных пространств. Это выражается в том, что храмы и часовни заново освящаются, а надписи, оставленные в советские годы, устраниваются. В храмах и часовнях, как только возникает возможность, проводятся службы, т. е. пространство начинает использоваться сообразно своему изначальному назначению. Пространство ресакрализируется.

Если возвращаться к исторической перспективе, то в России организации, связанные с культурой и наследием, начинают привлекать волонтеров, в основном, с середины 1990-х годов. Изначально этим занимались, по большей части, музеи, и их основной целью было сохранение и популяризация культурного наследия среди молодежи. Так, Эрмитаж, запустивший волонтерские программы в 1996 г., стал одним из первых в стране музеев, включившихся в эту деятельность. В последующие годы включение музеев в такие события как «Год культуры» (годом культуры был объявлен 2014 г.) или ежегодная акция «Ночь в музее» стали набирать популярность и привлекать новых волонтеров. В дальнейшем многие музеи (среди них «Музей истории ГУЛАГа», Политехнический музей и другие) стали запускать собственные волонтерские программы. Подобные программы создавались не только по инициативе снизу. Например, в 2018 г. в рамках Указа Президента был разработан проект «Волонтеры культуры», участники которого, среди прочего, проводят работы на архитектурных объектах. Все это свидетельствует о росте популярности различных проектов волонтеров наследия в конце 2010-х — начале 2020-х годов в России.

Важность подобных проектов заключается не только в том, что они располагают ресурсами для взаимодействия с архитектурным наследием, но и в том, что большая часть объектов, на которых ведутся работы — памятники архитектуры, которые нельзя реставрировать без получения специальных разрешений. Длительность этой бюрократической процедуры иногда приводит к тому, что объект разрушается еще до получения разрешения на реставрацию. В то же время, получить разрешение на консервацию проще, но, в таком случае, волонтеры не могут заниматься реставрацией объектов архитектуры — они занимаются только консервацией (73-ФЗ 2023). Таким образом, сама бюрократическая система отчасти является стимулом волонтерских проектов в этой области и причиной их популярности, поскольку понятно, что без волонтерского движения еще больший процент объектов архитектуры был бы утрачен.

Впрочем, проблема физического сохранения деревянной храмовой архитектуры Русского Севера не теряет своей остроты. По оценкам, сделанным в рамках некоторых волонтерских проектов, к началу XXI в. степень сохранности деревянных храмов Русского Севера была следующей: 43% зданий — в аварийном состоянии, 42% — в удовлетворительном, 10% — утрачены (Общее дело 2023).

Проекты по сохранению архитектурного наследия, в которых я участвовала, имели сложившийся механизм взаимодействия между их участниками. Обычно ближе

к летнему сезону на онлайн-платформах проекта появляется информация о том, что идет набор участников в экспедиции. В описании приводятся регионы планируемых экспедиций, объекты, на которых будут вестись работы, примерный план действий и необходимое число участников. Все желающие имеют возможность записаться в экспедицию. Если желающих оказывается больше, чем необходимо, организаторы проводят их отбор. То же самое происходит в гендерном плане: в зависимости от того, какие задачи стоят на каждом конкретном объекте, отбираются или мужчины, или и мужчины, и женщины, даже с детьми. Далее я постараюсь описать отношения, которые складываются вокруг взаимодействия с архитектурой между волонтерами и местным населением.

Рис. 1. Архангельская область, Онежский район. 2019 г. Вход в храм.
Фото автора

Помимо государственной политики в области религии в XX в., которая во-многом привела к разрушению храмов (что особенно типично для первой половины прошлого века), существует известная социальная проблема: деревни на Севере умирают. Часто восстановительные работы ведутся в деревнях либо исчезающих, либо уже умерших. Если в деревне осталось несколько жителей, то обычно кто-то из них занимает позицию «проводника» по отношению к волонтерам и другим участникам проекта. Здесь под «проводником» я имею в виду человека, который вступает в тесное взаимодействие с группой волонтеров и архитекторов и передает им информацию. Он может одновременно выступать и в роли информанта сам по себе, и давать контакты других людей. Иными словами, он выступает связующим звеном между приезжей группой волонтеров и местным сообществом, помогает решать бытовые и другие вопросы, встраивается в коммуникацию.

Чтобы упростить описание отношений, складывающихся вокруг работы с храмами и часовнями, я буду использовать термин «агент» (Bourdieu 2000: 150–151). На мой взгляд, тут можно выделить трех главных агентов: храм, волонтеры и местные жители–хранители. Но все, что было сказано о «хранителях» выше, было достаточно абстрактно. Есть ли какие-то конкретные указатели на то, что человек является «хранителем» в условиях данного взаимодействия? По моим наблюдениям, таких «маркеров» может быть несколько. Во-первых, у «хранителей» зачастую находятся ключи от храма, потому что никто кроме них не живет в деревне круглый год. Во-вторых, они, чаще всего, заинтересованы в сохранении храма и поэтому хранят информацию, связанную с объектом (фотографии путешественников, статьи). Например, в деревне П. Архангельской области такая «хранительница» в ходе интервью в 2019 г. показала мне целый альбом фотографий храма прекрасного качества и разных периодов, а также фотографии, сделанные иностранным фотографом и его статью, написанную в том числе на материалах по этому храму.

В то же время надо сказать, что такие «хранители» часто включаются в сеть взаимодействия с государством. Поскольку большая часть объектов, на которых ведутся работы (и все, где присутствовала я), являются «памятниками культуры» (чаще всего — регионального значения), в норме доступ к ним должен контролироваться государством.

Рис. 2. Архангельская область, Онежский район. 2019 г. Храм.
Фото автора

Фактически, мы видим, что «хранители» имеют доступ к храму и могут пускать или не пускать кого-то внутрь. Взаимодействие с ними для волонтеров начинается на этапе проведения «разведки» — пробного выезда для ознакомления с состоянием объекта.

В целом, деревянные храмы становятся местом притяжения разных категорий людей в деревни. Это волонтеры, путешественники, блогеры (и здесь немаловажную роль играют социальные сети, возможность съемок с дронов и т. д.). Храмы вписываются в природный контекст, подаются весьма красиво и таким образом становятся причиной интереса. В числе современных проектов, связанных с архитектурой и Русским Севером, можно упомянуть «Фолк-кемп» или известный научно-популярный проект «Арзамас», в рамках которого три года назад был подготовлен цикл видео «Музыка в затерянных

храмах» (25 тысяч просмотров). В рамках этого проекта музыканты собираются в заброшенных храмах, где исполняют музыкальные произведения (Музыка в затерянных 2020). Таким образом, само существование храмов или часовен помогает поддерживать функционирование деревни хотя бы на минимальном уровне — одной-двух семей и ежегодных визитов волонтеров.

Помимо хранителей, волонтеров и местного населения мне представляется возможным рассматривать как агентов и сами архитектурные объекты, потому что, по моим наблюдениям, большое внимание при работе волонтеров со зданиями уделяется тому, чтобы хотя бы отчасти включить их в привычное для них функционирование (ПМА). Иными словами — вернуть их агентность. Для этого в храмах и часовнях (где это уже физически возможно после консервации) служат Литургии, читают акафисты и вообще стараются использовать пространство внутри храма по его прямому назначению. Именно эти действия позволяют говорить о трансформации от восприятия архитектурного объекта как заброшенного к восприятию его как действующего. Параллельный процесс, который происходит во время работ на объекте — переход в восприятии здания от просто сооружения к памятнику архитектуры — то есть наделение его ценностью. Я рассматриваю этот процесс как конструирование места или производство наследия. Соглашусь с мнением Л. Смит, которая в своем труде «Способы использования наследия» высказала мысль о том, что наследие «касается не только прошлого, хотя и его тоже; оно имеет отношение не только к материальным предметам, хотя и к ним тоже; наследие — это процесс задействия, акт коммуникации и производства смысла в настоящем и для настоящего» (Smith 2006: 1).

Изучаемый мною кейс является хорошей иллюстрацией к приведенному определению наследия. Действительно, на примере взаимодействия с деревянными храмами можно наблюдать, что наследие начинает восприниматься как таковое именно в процессе взаимодействия с ним — то есть в процессе реставрации и ресакрализации храмового пространства, производства смыслов и в итоге — производства наследия. Аналогичные вопросы ставятся авторами сборника «Управляя сакральностями» (“Managing Sacralities”): «Что происходит, когда места, объекты и практики, существовавшие и понимаемые как религиозные, становятся культурным наследием? Кто включен в управление религиозным наследием, объектами, практиками?» (Hemel, Salemink, Stengs 2022: 2). Подобные вопросы сегодня возникают в различных вариациях.

В рамках подхода социолога П. Бурдьё, основными видами социальной власти считаются экономический капитал, культурный капитал и символический капитал. Последний — это «форма, которую принимают различные виды капитала, воспринимаемые и признаваемые как легитимные» (Бурдьё 2017: 70). Ученый утверждает, что «символические властные отношения стремятся воспроизвести и укрепить реальные властные отношения, составляющие структуру социального пространства» (Бурдьё 1993: 146). Волонтеры с очевидностью используют символический капитал. Так, таблички с объявлениями, что на данном объекте работает такая-то программа по возрождению храмов (часовен), ставят цель подтвердить обладание такой символической собственностью. Вводятся нормы поведения внутри храма и около него. То есть появляется то, что П. Бурдьё называет “in-place behavior” и “out-of-place behavior” — подобающим и не подобающим для данного места поведением. Например, когда начинаются волонтерские работы, вешается на стену храма информация о том, кто здесь ведет работы и какие правила поэтому тут соблюдаются вместе с просьбой ничего не брать. Также на видном месте размещаются правила поведения на объекте для самих волонтеров: основной посыл — забота и внимание по отношению к памятнику «чтобы показать, что о храме заботятся». На мой взгляд, это тоже наделяет храм определенной агентностью.

Что касается местных жителей, то сам процесс взаимодействия с волонтерами на фоне набирающего популярность дискурса вокруг наследия, позволил местному сообществу объединяться вокруг целей, сформировать собственное отношение и позицию, т. е. использовать свою агентность («use their voice, mobilize around their aims, and exercise their agency») (Hemel, Salemink, Stengs 2022: 5).

Возвращаясь к причинам возникновения волонтерских движений и мотивации их участников, о которых шла речь в начале статьи, необходимо сказать еще об одной характерной черте экспедиций «волонтеров наследия». Она может быть передана с помощью цитаты Бориса Пастернака «Тишина, ты лучшее из всего, что я слышал». На недавней конференции в Кунсткамере одним из докладчиков был выдвинут тезис, заключавшийся в том, что значительное число исследователей, занимающихся Русским Севером, отправляются в поле по романтическим мотивам: они едут «за туманом и за запахом тайги». По моим наблюдениям, участники экспедиций едут также и за тишиной. Выход из привычной городской среды и обыденной деятельности является, насколько я могла заметить, весьма сильным мотиватором для участия в подобных проектах. Работа с деревянным архитектурным наследием для многих волонтеров становится формой эскапизма, поскольку, чаще всего, вовсе не связана с тем, чем человек занимается в повседневности.

В заключении хочу отметить терминологическую неточность или некоторое неудобство в связи использованием термина «волонтеры-реставраторы». С точки зрения архитекторов, волонтеры занимаются *консервацией* объектов архитектуры (и это юридически оговаривается). Как известно, существуют разные типы работ, часть которых относится к консервации, а другая, требующая специальной профессиональной подготовки, — к реставрации. На памятниках архитектуры можно проводить только определенные работы, на которые было получено разрешение. Чаще всего, волонтерам под руководством архитекторов можно заниматься только консервацией объекта (это противоаварийные действия). Однако более точный термин «волонтеры-консерваторы», будет ассоциироваться с политическими взглядами, что окажется неуместным. По этой причине в своих дальнейших исследованиях я намерена сохранить понятие «волонтеры-реставраторы». Хотя вопрос о терминологии остается для меня пока открытым.

Источники и материалы

- 73-ФЗ 2023 — Федеральный закон от 25.06.2022 № 73-ФЗ (ред. от 20.10.2022) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023).
- Музыка в затерянных 2020 — Музыка в затерянных храмах. Путешествие Arzamas в Тверскую область // Arzamas.academy: [сайт]. <https://arzamas.academy/special/tver?ysclid=lr1yh9od19447744>
- Общее дело 2023 — Проект «Общее дело. Возрождение деревянных храмов Севера // Общее дело. [Электронный ресурс]. <https://obsheedelo.ru> (дата обращения: 25.01.2023).
- ПМА — полевые материалы автора.
- Réhabilitation et Entretien — Réhabilitation et Entretien des Monuments et du Patrimoine Artistique // REMPART MISSION PATRIMOINE. [Электронный ресурс]. <https://www.rempart.com/en/rempart/who-we-are/our-association/> (дата обращения: 01.03.2023).

Научная литература

- Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть. Перевод к. ф. н. В. И. Иванова // Thesis. 1993. Вып. 2. С. 137–150.
- Бурдые П. Социология социального пространства: перевод с фр. / отв. ред. пер. Н. А. Шматко. СПб.: Алетей, 2017. 288 с.
- Лисенко Л. М. Гармонические построения в архитектуре церквей Кижского погоста // Архитектурное наследие. 1969. № 18. С. 125–134.
- Николаева Н. С. Формирование государственной системы охраны памятников во второй четверти XIX века (сравнительный анализ: Франция — Россия) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради. 2008. № 37 (80). С. 261–270. <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-gosudarstvennoy-sistemy-ohrany-pamyatnikov-vo-vtoroy-chetverti-xix-veka-sravnitelnyy-analiz-frantsiya-i-rossiya/viewer>
- Ополовников А. Памятники деревянного зодчества Карело-Финской ССР. М.: Государственное изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1955. 195 с.
- Ополовников А. Реставрация памятников народного зодчества. М.: Стройиздат, 1974. 391 с.
- Пермиловская А. Б. Культурная традиционная архитектура как фактор адаптивного механизма при освоении Русской Арктики // Вестник антропологии. 2023. № 2. С. 7–21. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-2/7-21>
- Ушаков Ю. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Л.: Стройиздат, Ленинградское отделение, 1982. 168 с.

- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 661 с.
- Bourdieu P. *Pascalian Meditations*. Oxford: Polity press, 2000. 256 p.
- Gell A. *Art and Agency: An Anthropological Theory*. Oxford: Oxford University Press, 1998. 296 p.
- Hemel E., Salemink O., Stengs I. (eds.). *Managing Sacralities: Competing and Converging Claims of Religious Heritage* (Explorations in Heritage Studies. Series eds. Ali Mozafari and David Charles Harvey. Vol. 6.). New Work: Berghahn Books, 2022. 280 p.
- Smith L. *Uses of Heritage*. London: Routledge, 2006. 368 p.
- Werbner P. Stamping the Earth with the Name of Allah: Zikr and the Sacralizing of Space Among the British Muslims // *Cultural Anthropology*. Vol. 11, № 3. Aug. 1996. P. 309–338. <https://doi.org/10.1525/can.1996.11.3.02a00020>

References

- Bourdieu, P. 1993. Sotsial'noe prostranstvo i simvolicheskaia vlast' [Social Space and Symbolic Power]. *Thesis 2*: 137–150.
- Bourdieu, P. 2017. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [The Sociology of Social Space]. Saint Petersburg: Aleteia. 288 p.
- Bourdieu, P. 2000. *Pascalian Meditations*. Oxford: Polity press. 256 p.
- Gell, A. 1998. *Art and agency: An Anthropological Theory*. Oxford: Oxford University Press. 296 p.
- Hemel E., O. Salemink and I. Stengs. (eds.). 2022. *Managing Sacralities: Competing and Converging Claims of Religious Heritage* (Explorations in Heritage Studies. Series eds. A. Mozafari and D. C. Harvey. Vol. 6.). New Work: Berghahn Books. 280 p.
- Lisenko, L. 1969. Garmonicheskie postroeniia v arkhitekture tserkvei Kizhskogo pogosta [Harmonic Constructions in the Architecture of the Churches of the Kizhi Pogost]. *Arkhitekturnoe nasledstvo* 18: 125–134.
- Nikolaeva, N. S. 2008. Formirovanie gosudarstvennoi sistemy okhrany pamiatnikov vo vtoroi chetverti XIX veka (sravnitel'nyi analiz: Frantsiia — Rossiia) [Formation of the State System of Monument Protection in the Second Quarter of the 19th Century (Comparative Analysis: France — Russia)]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gersena. Aspirantskie tetradi* 37(80): 261–270. <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-gosudarstvennoy-sistemy-okhrany-pamyatnikov-vo-vtoroy-chetverti-xix-veka-sravnitelnyy-analiz-frantsiya-i-rossiya/viewer>
- Opolovnikov, A. 1955. *Pamiatniki dereviannogo zodchestva Karelo-Finskoi SSR* [Monuments of Wooden Architecture of the Karelian-Finnish SSR]. Moscow: Gosudarstvennoe izdadel'stvo literatury po stroitel'stvu i arkhitekture. 195 p.
- Opolovnikov, A. 1974. *Restavratsiia pamiatnikov narodnogo zodchestva* [Restoration of Folk Architecture Monuments]. Moscow: Stroiizdat. 391 p.
- Permilovskaya, A. B. 2023. Kul'tovaja traditsionnaja arhitektura kak faktor adaptivnogo mehanizma pri osvoenii Russkoj Arktiki [Temple Traditional Architecture as a Factor of an Adaptive Mechanism in the Development of the Russian Arctic]. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 7–21. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-2/7-21>
- Smith, L. 2006. *Uses of Heritage*. London: Routledge. 368 p.
- Ushakov, Yu. 1982. *Ansambli v narodnom zodchestve Russkogo Severa* [Ensemble in the Folk Architecture of the Russian North]. Leningrad: Stroiizdat, Leningradskoe otdelenie. 168 p.
- Werbner, P. 1996. Stamping the Earth with the name of Allah: Zikr and the sacralizing of space among the British Muslims. *Cultural anthropology* 11(3): 309–338. <https://doi.org/10.1525/can.1996.11.3.02a00020>
- Yurchak, A. 2017. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos' : poslednee sovetskoe pokolenie* [It was Forever Until It Ended: The Last Soviet Generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 661 p.